Сов. Россия, 1964, 16 января

Первый шаг сделан

Спектакль вахтанговской студии «Добрый человек из Сезуана» — заметное и радостное событие в московской театральной жизни. Хотелось бы знать историю создания этого сценического произведения. Какова дальнейшая судьба молодого коллектива, создавшего спектакль?

Д. БЛОХИНЦЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР; **Б. ПОНТЕКОРВО**, член-корреспондент Академии наук СССР.

* * *

На вопросы, заданные в письме известных деятелей советской науки, мы попросили ответить режиссера спектакля «Добрый человек из Сезуана», артиста театра имени Евг. Вахтангова Юрия Любимова.

С чего же это началось?

В театральном училище имени Б. В. Щукина наступил новый учебный год. Вчерашние третьекурсники стали выпускниками. Им надо было готовить дипломный спектакль. А тем, кто перешел на третий, предстояло заняться отрывками, решать частные учебные задачи.

Но правильно ли, что при восхождении необходимые шаги можно делать лишь порознь, преследуя при этом только небольшие, частные цели? Правильно ли, что свой первый спектакль будущие актеры готовят накануне выпуска, чтобы сразу же распрощаться со своей школой, друг с другом и разойтись в разные стороны?

Нам захотелось нарушить традицию — сплотить весь третий курс вокруг большой общей работы; поставить спектакль, показать его зрителям, чтобы было время и возможность оттачивать сделанное и именно таким образом постигать законы мастерства.

Оставалось выбрать пьесу.

В учебном репертуаре тоже успели сложиться свои традиции. Если припомнить дипломные работы выпусков всех наших высших учебных театральных заведений за последние два десятка лет, то, вероятно, названия показанных спектаклей можно пересчитать по пальцам.

Между тем институт, училище должны помочь будущим актерам и режиссерам усвоить на практике представление о том, что театры могут отличаться друг от друга не только названиями, но и творческой индивидуальностью.

Училище имени Б. В. Щукина... Ведь оно существует при театре, который создавал Евгений Багратионович Вахтангов. Одним из его главнейших принципов была активная общественная роль театра и актера.

Выбирая спектакль для третьекурсников училища имени Щукина, мы хотели отыскать такой сценический материал, в котором решение чисто учебных задач могло бы сочетаться с усвоением именно этих вахтанговских традиций, притом приближенных к конкретным задачам нынешнего времени, сегодняшнему театру и сегодняшнему зрителю.

Тут-то мы и остановились на пьесе Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана».

При всей своей кажущейся несхожести театр Брехта и театр Вахтангова очень близки друг к другу. Недаром, провозглашая принципы создаваемого им «эпического театра», Брехт точно так же, как и Вахтангов, прежде всего подчеркивал, что театр этот «требует наличия могущественного движения в области общественной жизни». Брехт писал также о непременной тенденциозности такого театра и о его поучительности. Вот эту-то линию открытой и страстной революционной публицистики мы и стремились выявить в курсовой работе над спектаклем «Добрый человек из Сезуана».

Пьеса-притча о том, как невозможно существовать доброму человеку в несправедливо устроенном классовом обществе, полна непримиримой ненависти к собственническому миру. И как всякую притчу, играть ее надобно в манере столь любимого Брехтом «театра улицы», в котором актер работает, не перевоплощаясь в тот или иной образ, созданный драматургом, но заражая зрителя своим отношением к нему.

Поэтому мы и начали свой спектакль с традиционного в уличном театре общего выхода, где каждый исполнитель представляется зрителям. Поэтому (а не оттого, что у нас не хватало исполнителей: ведь к нашей работе можно бы привлечь и студентов других курсов) мы давали в этом спектакле одному человеку по две и даже по три роли.

В «театре улицы» рождались выразительный и доходчивый язык жеста, свойственный ярмарочным мимам, и заразительное веселье балагана. Вместе с тем такой театр непременно нес к зрителю доходчивую и ясную басенную мораль. Всему этому мы также учились в своем спектакле — режиссер и студенты вместе.

Хорошо известно мудрое изречение Гёте о том, что если художник, слепо подчиняясь оригиналу, изобразит на полотне совершенно похожую собаку, то искусству до этого нет никакого дела: просто на свете станет одним псом больше. До чего же есть дело искусству? Его образы должны помогать изменению мира, совершаемому человеком сегодня.

Театру это доступно в самой высокой степени. Наша общая работа над спектаклем «Добрый человек из Сезуана» убедила в этом всех его участников. Партийность, многократно подчеркнутая в теоретических работах Брехта о театре, выразилась со всей полнотой и в этой его пьесе. Именно непримиримую боевую партийность старались выразить в своем спектакле студийцы, и это устремление спектакля нам хотелось бы пронести через всю свою дальнейшую творческую жизнь.

Во время работы мы мечтали о создании синтетического театра, который, не пренебрегая никакими средствами — от плаката до эпоса, от открытой публицистики до острого гротеска,— стремился бы к созданию спектаклей о самых насущных вопросах современной общественной жизни. Мы думали о постановке эпических трагедий Вишневского, о гротескных комедиях Маяковского. Формированию творческого лица студии помогла бы работа над спектаклями по мотивам книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Нам хотелось бы продолжить освоение своеобразной драматургии Брехта. Мы с увлечением читали драму «Галилей», которая, по словам самого автора, предостерегает от кровавого варварства фашизма. В репертуар студии мог бы войти «Жаворонок» Ж. Ануйля, высоко оцененный Морисом Торезом, который говорил, что патриотизм простых людей, патриотизм французской крестьянки Жанны д'Арк пронизывает всю историю страны, как яркий луч света.

Какова дальнейшая судьба нашего коллектива? Ответить на этот вопрос пока еще трудно. Конечно же, нам не хотелось бы, чтобы жизнь коллектива оборвалась. Мы мечтаем продолжить начатые поиски, превратиться из учебного курса в студию, не обрывать пути, на который мы вышли вместе.

Ю. ЛЮБИМОВ,
заслуженный артист РСФСР.

287